

монахиня
Елизавета (Нерубенко)

Встречи в Белгороде Сборник рассказов

монахиня (Нерубенко)
Встречи в Белгороде
Сборник рассказов

<https://litres.ru/74029704>

SelfPub; 2026

Аннотация

Из монастыря меня отпустили ухаживать за мамой. Пришлось жить в непростое время в родном городе Белгороде. Чудо всегда близко, встречи с людьми, посланные в тот период, научили очень многому.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	52

монахиня Елизавета (Нерубенко) Встречи в Белгороде Сборник рассказов

Глава

Предисловие

Сейчас понимаю, а тогда не понимала. Солнце неизбежно растопит снег, высушит воду и земля впитает. Так происходит каждой весной. И весна пройдет. Так и боль пройдет, мысли изменятся.

Пишу всю сознательную жизнь. Могу рассказывать только о том, что было на самом деле, что видела, слышала и чувствовала сама.

Белгород – моя родина, это областной российский город на границе с Украиной.

Сначала сборник назывался «Чудеса в Белгороде». Ведь чудо близко, оно на каждом шагу нашей жизни. Чудо – встреча с человеком, но главное чудо – встреча с Богом.

Господь дает встречи с людьми, которые взаимно обогащают духовно. Чудо, что разные люди встречаются. Вся на-

ша жизнь зависит от ближнего. А когда люди духовно связаны, то несут в себе частичку души другого, взаимопроникновение происходит даже незаметно для нас.

Владыка Антоний Сурожский писал, что если с любовью смотреть и слышать людей, то «происходит величайшее из чудес: человек напротив открывается в невероятной красоте своего сердца. И тогда твое собственное сердце преобразается».

События подлинные. Имена героев, включая священников, изменены. За исключением имени митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна.

Первые рассказы из настоящего цикла были опубликованы на сайте «Православие» под псевдонимом. Это тоже одно из необъяснимых Божьих чудес.

Под Покровом

Вначале совсем не было желания говорить с ней о книгах, и времени мало, и рассеиваться после службы не хотелось.

Мы познакомились в конце прошлого лета. Татьяна была очень общительной продавщицей в киоске, у которой я регулярно покупала журналы для мамы, пока ей зрение позволяло читать. Татьяна призналась, что у нее дома большое собрание английского детектива. Она посоветовала маме книги малоизвестного Дика Фрэнсиса, уверяла, что он похож на Агату Кристи.

Просто Татьяна (без отчества!) удивляла своей открыто-

стью и доверчивостью. На вид ей далеко за пятьдесят, осветленные завитые волосы, на лице минимум косметики. Разве можно женщине намекать на ее возраст!

Постепенно она все больше делилась со мной абсолютно всем. Я узнала, что живет моя новая приятельница одна в частном доме, дочь с семьей неподалеку. Помимо чтения любит шить, держит кошек экзотической породы. Что-то необъяснимо родственное возникло между нами, хотя женщина была далека от церкви.

Вскоре я заметила, что каждый раз по пути на рынок спешу заглянуть в киоск, чтобы послушать ее приятный голос, увидеть улыбку и зарядиться оптимизмом.

— А я много читаю современных историков, политологов, анализирую..., – начинала она вновь свою речь.

— Не забивайте голову, все равно честно никто не напишет. Правда только в одной книге, – возражала я, сожалея, что мне снова некогда ее слушать.

— В какой? – Татьяна смотрела на меня наивно.

— В Евангелии, и вообще в Библии, – ответила я тогда вскользь, удивленная, что она не знает.

Киоск в форме цилиндра, похожий на тумбу для афиш, располагался на пересечении улицы Преображенской и Белгородского Арбата, так в народе называли улицу «50-летия Белгородской области». Слева от киоска остановка транспорта. Через дорогу старинный универмаг «Детский мир», его теперь именовали Торговым Центром, напротив киноте-

атр «Победа». Все в одном квартале, почти в двух шагах от собора.

Татьяна пару раз просила поставить свечку, когда я шла в храм.

Однажды Татьяна обмолвилась, что поедет к подруге в Курск и они планируют совершить паломничество в Курскую-Коренную пустынь. Сколько знакомых ездили, а я сама никогда не была, захотелось попросить ее подать там записку на молебен. Очень люблю икону Пресвятой Богородицы «Знамение», а перед ней наверняка ежедневные молебны. Южный придел нашего Преображенского собора освящен в честь этой иконы Божией Матери.

Татьяна серьезно и ответственно все восприняла. Она переживала до поездки, у подруги день рождения 25 ноября. Я уже и забыла, а она дотошно напоминала. Обещала, что они на машине туда поедут и просьбу мою она обязательно исполнит.

И вот в начале декабря сообщила: все осуществилось. Несмотря на позднюю осень было не холодно, в монастыре все сложилось прекрасно. Даже кусты роз, еще не укутанные на зиму, восхищали своей красотой. Они побывали в благолепных храмах, всюду погуляли. А записку пришлось продублировать, потому что на мою сумму денег заказ приняли за каждый молебен в течение десяти дней. Они с подругой старательно ее переписали, а там был список о здравии из двадцати имен. Я поблагодарила Татьяну, тронутая ее забо-

той, и подумала, что их туристическая поездка, действительно, стала почти паломнической.

В завершении 2023 года 30 декабря Белгород подвергся массированному обстрелу со стороны Украины. Крупный прилёт случился на центр города. Прилёт, это когда снаряды сбивают в воздухе и на землю падают – прилетают осколки. Тогда еще не было сирены, предупреждающей о ракетной опасности, она появится в январе. Или она была, но включилась уже после обстрела.

Война принесла новую терминологию. Вместо воздушной тревоги ракетная опасность. Прилёт не птиц и не самолета, а смертоносных фрагментов орудий.

Наш дом в те минуты содрогался и стекла в окнах дребезжали. На центральной площади на катке, построенном специально, погибли дети, рядом в Драматическом театре шел новогодний спектакль, туда, слава Богу, не прилетело.

Большая часть осколков обрушились в район Торгового Центра «Детский мир». Там еще как раз напротив газетного киоска стояло «Сердце Белгорода», ставшее потом памятником-символом раненого города.

Это была суббота, вторая половина дня. На всюнощную в храм я не попала, улицы перекрыли, потому что бойцы МЧС с волонтерами разбирали поврежденные здания. Стреляли ракетами «Ольха» и реактивными снарядами под названием «Вампир».

На следующий день после воскресной литургии я поспе-

шила в сторону «Детского мира». Киоск чернел внутренней пустотой, все убрано, никаких сувениров, ярких обложек журналов и газет. Передняя и боковая его витрины забиты фанерой вместо стекол. Знать бы, кто работал вчера, Татьяна или ее сменщица.

Шли дни. То трагическое событие имело еще долгие последствия. Ёлку и всю иллюминацию с площади вскоре убрали, ближайшие магазины закрылись. Торговый Центр работал, несмотря на ремонт его окон и фасада, но пустовал без покупателей. Люди боялись ходить по улицам, особенно с детьми. Повсюду в городе начали ставить бетонные блоки-ограждения и оборудовать укрытия в домах.

В списках раненых и погибших Татьяны не было. Хотя я знала только ее имя и приблизительный возраст. Лишь 14 января морозным вечером я увидела свет в киоске. В окошко выглянула именно она.

В тот час, когда Татьяна услышала свист в небе и взрывы низко над головой, она сразу упала на пол. Верхнее переднее и большое боковое стекла разлетелись полностью. Мельчайшие осколки посыпались не внутрь, а наружу. Еще дыру в крыше не сразу заметила. Внутри узкого киоска столько места, что и в стоячем положении трудно развернуться. Получилось, она лежала не плашмя, а как бы в земном поклоне на полу.

Когда взрывы стихли, Татьяна вылезла оттуда совершенно невредимая.

Рядом с остановкой она увидела девушку с пробитой головой, мозг пополам с кровью. Возле универмага на снегу лежали мертвые люди. На проезжей части улицы полыхали факелами машины. Всюду черный дым и жуткие звуки: крики людей, грохот падающих кирпичей, треск, вопли автомобильных сигнализаций.

— ... Потом еще несколько дней заикалась, – закончила свой рассказ Татьяна, – но больше я не боюсь ничего. Меня будто кто-то ладошками закрыл! Я была под твердым надежным покровом.

На следующий день после этого она поехала в Курск к подруге. Кстати, подругу зовут Виктория.

Я собралась спросить, поблагодарила ли она Пресвятую Богородицу, спасшую ее от внезапной гибели. Татьяна меня опередила:

— Да, конечно! Мы встретили новый год, а потом уже 2 января взяли такси и поехали в монастырь.

Готовы ли к смерти те люди, что оказались на улицах 30 декабря? Мы с Татьяной до этого часто беседовали о смерти, и о ее неожиданности и неизбежности.

Богородица, от нападений вражиих стена неборимая, и в чудесах Своих славу Божию нам являющая, защитила от преждевременной смерти, это же очевидно. Ей еще рано умирать.

Киоск отремонтировали, вынужденный новогодний отпуск закончился, и Татьяна работала по-прежнему. А какой

смысл увольняться? Второй раз в одну и ту же точку не прилетит.

Но весной я реже приносила маме журналы, потому что у нее упало зрение, а вскоре, к Татьяне совсем заходить перестала.

В начале лета киоск снова закрылся. Он стоял на самом солнцепеке и завешенные фольгой витрины светились серебряными прямоугольниками. Я привычно проходила мимо, но как-то раз остановилась.

На закрытой дверце окошка было написано от руки: «Киоск работает по другому адресу, свежую прессу можно купить там». И адрес. Это недалеко, надо подняться на следующую улицу, параллельную Преображенской.

Прошло еще время, пока мне представился случай туда сходить. Много изменилось. Случайно ли в тот день работала именно Татьяна!

Она поведала, что ее внук Денис поступает в военное училище. Просила молиться о нем. А я свои новости: мама у меня умерла, и я скоро уезжаю, возвращаюсь в свой монастырь.

Мы уже почти попрощались тепло и дружески, Татьяна неожиданно сказала, задерживая меня:

— Знаешь, я поняла. Тогда были убиты люди разного возраста, а кто из них был готов или не готов, Господь знает. В Евангелии написано: один берётся, другой оставляется.

Я тоже поняла, зачем мы встретились. Ей нужно было открыть для себя самое важное в жизни Чтение, а мне вновь

убедиться в реальности чудес Промысла Божия.

— Под Покровом, – трепетно добавила Татьяна, – все мы под Покровом Божией Матери.

Благодать

— Подайте копеечку, есть нечего, – взывала хриплым звонким голосом миниатюрная молодая женщина перед воротами, ведущими во двор собора.

— Вот сейчас такие просящие, что им хлеб не нужен, только деньги подавай, – вздохнула моя знакомая, с которой выходили из храма.

Я вспомнила, как-то еще раньше, поздней осенью эта худенькая, по внешности то ли девчонка, то ли мальчик-подросток, твердила с плачевной интонацией:

— Беременной подайте, пожалуйста.

«Если она беременная, то я балерина Большого театра», – подумала я тогда с горечью.

На вид ей было лет тридцать, может, чуть больше. Ростом просто коротышка, метр с лишним, грубо остриженные рыжеватые, похожие на паклю, волосы, сизое лицо обветрено. Носила она брюки или короткую юбку. Ее отличало беззлобное, совершенно невинное выражение лица. Так же просто-душно и уверенно Аня сочиняла легенды о цели своего попрошайничества, каждый раз новые.

Но она благодарила искренне и по-детски радовалась каждой копеечке. Просящих собиралось несколько человек, все

ходили к собору как на работу, ежедневно. Только Аню можно было встретить редко. Она заходила в храм, набрасывая на голову капюшон куртки. Заинтересованно спрашивала, какой сегодня праздник. В приделе Пресвятой Богородицы «Знамение» всегда ставила на подсвечник самую маленькую свечку. Непременно прикладывалась к раке с мощами святителя Иоасафа – главной святыне.

А на улице, стоя на обычном месте, она обращалась к проходящим людям, говоря, что ей негде жить или нечего надеть. Сама же появлялась зимой то в дубленке, то в короткой искусственной шубке.

— А это муж мой, Колька, – Аня показала на высокого тощего мужчину средних лет в марлевой маске.

У него была онкология. Маской он закрывал большие черные шишки на нижней губе и подбородке. Говорил с трудом. Он тоже просил милостыню, но был ли ее мужем, знает Бог.

— Только не пей, – с такой просьбой вручила ей небольшую сумму моя знакомая, когда мы все вместе встретились в притворе. Аня послушно кивала головой и чуть ли не целовала руки тем, кто давал ей деньги.

Она рассказывала, что живут они где-то в пригороде, ездят на электричке. Я постоянно слышала всякие небылицы. То Аня жаловалась: работы, естественно, нет, и жилье они снимают. Колька работал на одного армянина, но сейчас уже сил у него нет. Потом она уверяла, что ее муж в тюрьме и у них внезапно умерли родственники, отец, сестра и другие.

Они, скорее всего умерли, только несколько лет назад. Поражала Анна не одной убедительностью этих сказок, а своей абсолютной верой во все это.

— Какой сегодня праздник? – как-то раз подбежала ко мне Аня.

— Пасха, – ответила я.

Она испуганно округлила глаза:

— Как это, Пасха?

— Каждое воскресенье – малая Пасха.

Самые главные праздники она, конечно, знала. В праздник Крещения она обхватила меня, маленькими холодными пальцами коснулась моей ладони.

— А я воды набрала, – сообщила, довольная, и дыхла на меня запахом табака.

Из-за своей детской непосредственности она совсем не вызывала осуждения. В неделю новомучеников и исповедников Российских в соборе служил владыка. Аня с багровым лицом подошла ко мне во время евхаристического канона. Владыка вышел из алтаря благословлять: в руках диккирий и трикирий.

— Патриарх, – прошептала она благоговейно и склонила голову.

— Митрополит, – поправила я, сдерживая улыбку.

Аня посмотрела на меня недоуменно, по ее мнению, ничего смешного не было.

Весной я встретила их с Николаем возле центрального

рынка, в соседнем квартале от собора.

— Сейчас поедem анализы сдавать, Кольке МРТ сделаем, операцию обещали бесплатно. Ему надо скорее операцию, — поясняла Анна.

Но через пару недель они снова стояли возле храма. Об операции я не спросила.

Шел Великий пост, Аня приходила в собор чаще, и в магазине я видела, как она покупала сигареты и пиво. А кто из нас без греха?

В храме она была осторожна:

— Господь простит меня, что без платка?

— Конечно, простит, — заверила я.

Она заскочила в куртке без капюшона.

Однажды Аня упала мне на плечо, горько рыдая.

— Муж мой, Колька, умер вчера!

От нее разило мощным перегаром.

— Ну держись, — обняла я ее.

Какими словами я могла утешить бедолагу? Сказать, что все мы умрем, в тот момент было бы неуместно. Сказать, что теперь он избавился от своих мучительных болей, — тоже слишком примитивно. Я молчала.

Это был четверг перед Лазаревой субботой.

Затем, в ближайшее воскресенье наступил Вход Господень в Иерусалим — преддверие Пасхи. Я вышла из храма после поздней литургии и увидела невероятную картину. Муж Анны, Николай, стоял в маске на своем прежнем месте жи-

вой. Как говорится, живее всех живых, и даже разговаривал с ближними, активно жестикулируя. Я не понимала, плакать или смеяться.

— Ты знаешь, что означает мое имя? – в другой раз спросила Аня, улыбаясь бесхитростно.

— Что? – удивилась я перемене темы наших разговоров.

— Благодать! – протянула она гордо и тут же продолжила, – А это правда, Христос учил, что надо помогать нищим?

Я стояла совершенно ошарашенная.

— Помолись, у меня будет суд, – сказала она однажды серьезно.

«Снова врет», – про себя огорчилась я.

Несколько раз она заходила в собор, но не узнавала, какой сегодня праздник. Потом прошли еще недели, как-то во время встречи во дворе храма она развернула сложенный вчетверо лист бумаги и протянула мне:

— Я завтра уезжаю. Там написано... куда поеду.

На листке я прочла ее имя с фамилией под фотографией, и только успела уловить формулировку «отбывание наказания в исправительно-трудовой колонии» в области.

Какая-то филькина грамота, бумага давняя, лист весьма потрепанный.

— Ну потерпи, это же временно, – проговорила я равнодушно.

На следующий день Аня снова стояла у входа с протянутой рукой.

На Пасху в нашем кафедральном соборе совершалась самая необычная служба. В 5 утра при восходе солнца с крестного хода началась Пасхальная утренняя. Ввиду ракетной опасности власти запретили ночные богослужения. Но что бы ни происходило в мире, Христос Воскрес – над всем сияет эта вечная истина!

А потом в одно из воскресений после Пасхи собор был полон народа. Под конец литургии Аня возникла рядом с прежним вопросом. На ней была новая одежда, кремовые брюки и тонкий розовый шарфик на голове. И удивительно светлое лицо.

Вдруг открылись Царские врата, и она воскликнула:

— Как я хочу причаститься!

— Так надо исповедаться, – шепнула я ей.

— А я исповедалась, – захлопала она глазами, из них выступили слезы, – и ничего не ела.

— Так пойдем!

Мы влились в очередь причастников, я продвинула ее вперед себя. В центре стоял с Чашей настоятель отец Игорь, я малодушно испугалась: сейчас он отправит мою подопечную.

Когда она правильно сложила руки на груди и подошла, умудренный опытом протоиерей спросил:

— Вы исповедовались?

«Неужели и перед Чашей будет врать?» – подумала я сокрушенно. Аня что-то ответила.

— У кого? — продолжал священник.

Я не слышала ее слов, наблюдая только за его лицом, полным сострадания.

Через секунду отец Игорь причастил рабу Божию Анну, и она отошла в слезах радости. Она была красива, даже совсем не выглядела несчастной побирušкой. Потому что милость Божия выше всех моих предрассудков. А благодать Божия не просто велика, она безмерна.

Больше Аню я не видела. Николай сказал, что ее, действительно, посадили. Он также приходил к собору, просил купить ему обезболивающие таблетки или молока. Я не узнала у него, какое преступление совершила его жена. Или не жена.

Я не могла представить, как ей там тяжело, но знала точно, что Господь облегчит бремя, поможет перенести наказание в этой земной жизни. Ведь важно оставаться христианином в любом положении и состоянии.

Знамение

Разговорчивые таксисты попадались часто. Так и в один ясный морозный день, когда мне нужно было смотаться в магазин электротоваров на Харьковской горе в Белгороде.

Я быстро уселась на заднее сидение и посмотрела на водителя. Мужчина лет 35-ти, гладко выбритый, русоволосый, очень веселый и словоохотливый, заявил:

— Поедем по объездной, довезу и будет вам счастье!

Я ответила, что счастье у меня уже есть. Он выразил радостное удивление, потому что я такая попалась ему впервые. Все, кого он возит, недовольные, несчастные, напуганные. Все панически боятся. Вообще боятся жить.

— А чего бояться-то, надо понимать – война идет, – сказала я.

Нет, я не хвалилась своим бесстрашием, просто озвучила то, что было на уме.

Машина свернула на широкий проспект Ватутина. Я смотрела в окно – как же вырос город! В годы моего студенчества здесь был пустырь, а теперь все застроено. Вдоль улицы мелькали огромные здания разной архитектуры, с зеркальными стеклами и разноцветными неоновыми вывесками. И много жилых многоэтажных домов. Я порадовалась вслух об этом, с чужим человеком можно обсуждать нейтральные темы.

Разные мне встречались таксисты. Они почему-то считали, что мне можно высказывать все свои рассуждения. Прощлым летом ехала в новый храм Почаевской иконы Пресвятой Богородицы, так один стал церковные власти хулить. Другие начинают президента обсуждать, то восхвалять, то поносить. А этот вдруг говорит:

— К 2030-му году здесь останется 30% построек и населения.

— Да ну, – возразила я, – невозможно же все это разрушить. Специально народ запугивают.

— Нет, они на своих сайтах все открыто публикуют.

— Кто «они»?

— Те, кто правит миром, финансируют войну. Они рассказывают о своих планах управления людьми. Когда-то писали о вирусах, о вакцинации, о QR-кодах, о цифровых деньгах. Все сбылось в точности.

— Вы думаете меня в этом убедить? – поинтересовалась я.

— А это правда. Хотите верьте, хотите нет. Цель-то какая? Поработить человечество, роботами сделать.

Понимаю, что апокалиптическое столетие уже наступило. Надо смотреть на жизнь трезво. Я тоже серьезно сказала таксисту:

— Паспорта отменят и всем печати на лоб поставят, об этом я уже лет тридцать слышу. Очень давняя страшилка. Ну допустим, все предсказано. А что прекрасный город в центре России будет разрушен, в это верить не собираюсь.

— Если в их планах уничтожить какие-то конкретные регионы, то так и будет. Мировое правительство перед Богом не хотят ни за что отвечать, – мужчина обернулся и посмотрел на меня, – они все устраивают так, будто люди сами на это соглашаются. Пишут заявление на согласие о вакцинации, например.

Мне в свое время встречались многочисленные ненавистники новых паспортов, борцы со штрих-кодами и антипрививочники. Этот таксист явно их потомок и единомышлен-

ник.

Мы выехали на улицу Королева. Слава Богу, мне скоро выходить. Деревянный храмовый комплекс красовался, сверкая на солнце. Вот самая важная новостройка, строили его долго. Великолепный храм освящен самим Патриархом, он приезжал в Белгород в 2010 году.

— Читать их подлинные планы нужно на английском. На сайтах ООН, мирового банка.

«Еще чего, – подумала я, – Как хорошо, что так и не выучила английский».

— Вы знаете английский? – спросил он.

— Только французский, – грубо ответила я.

— Так вот читайте на французском, там тоже есть.

— Ну да! Делать мне больше нечего.

— Вакцинация еще будет, – не унимался таксист, – Чтобы стариков не кормить, пенсии не платить, люди будут доживать до 45 лет и умирать, так запрограммировано в вакцине, а обязательная вакцинация планируется каждые полгода. Если нет прививки, то и зарплаты не увидишь. А в этих инъекциях поместят все данные о человеке. Биометрические данные...

Дальше я не слышала, потому что уже хлопнула дверцей машины. «Вот если бы не болтала со всеми подряд, было бы лучше», – укоряла я себя.

С 1990 года, если не раньше, каких только прогнозов не слыхала. Начиная с землетрясений и динозавров, которые

выползут из всех водоемов, и заканчивая насильственными печатями Антихриста в виде присвоения ИНН. Если на то пошло, то зомби-апокалипсис скорее наступит, когда люди под действием вакцины превратятся в мутантов и съедят друг друга.

Не то, чтобы я озадачилась, но из головы не выходила эта информация. Тяжелый и приторный осадок остался на душе.

Золотые купола на фоне голубого неба немного успокаивали. Я подошла к ларьку, чтобы выпить кофе. Какое наслаждение – горячий кофе на морозе. Я пила, не отрывая глаз от 17-купольного храма. Непременно зайду, хотя лишнего времени нет.

Как же может святой покровитель города, святитель Иоасаф, оставить без помощи чад своих, взывающих к нему в молитвах ежедневно? Никогда! Неужели он не знает о мировом правительстве?

Большой храм в честь святых мучениц Веры, Надежды и Любви и Софии оказался закрытым, об этом мне сообщили в лавке, которая по-прежнему располагалась в отдельном домике. Значит, воля Божия посетить маленький храм великомученика Георгия Победоносца. Я не была там лет пятнадцать.

Счастье – снова вдохнуть этот запах дерева и окунуться в тепло. Священник как раз закончил молебен с акафистом, читал молитву, человек десять стояли на коленях. Малое стадо.

Вот я его и встретила, святителя Иоасафа! Впрочем, мы никогда не расставались. Его большая старинная икона, святитель в полный рост, находилась в трапезной части храма. А рядом с ним я увидела Пресвятую Богородицу «Знамение».

Эта икона была с первых лет открытия храма, я вспомнила. Весь образ в толстом металлическом окладе под серебро, только лики и руки цвета спелой пшеницы. Лик Божией Матери спокойный, улыбающийся. С любовью, заботой смотрит Она на нас.

Случайно я стала свидетелем ее появления. Однажды поздним осенним вечером икону принес отец настоятель. Он вошел, держа ее впереди себя на вытянутых руках, словно живую, поставил около стены, и указал место, где поместить.

Настоящее заступничество, явный знак от Нее. Царица Небесная любую скорбь превращает в радость. Необоримая Стена и источник Чудес! Она никогда не посрамляет уповающих на Ее помощь. Защитница святого города Белгорода, знаменем вечной радости мир утешающая.

Когда остановился мой взгляд на иконе, я будто услышала Ее голос: не бойся!

На выходе из храма я уже не помнила о предостережениях таксиста. Чистое светло-синее небо, еще не весеннее, но такое ясное для зимы, выглядело совершенно мирным. Не верилось, что в нем среди ночи слышались взрывы, снова сбивали беспилотники и ракеты.

Одна моя знакомая как-то попала под обстрел посреди

улицы. Там гулял только мужчина с собакой. Как они бежали в укрытие, мужчина и за ним собака, – она никогда в жизни не видела такого скоростного бега. Знакомая тоже бежала. А в душе у нее была спокойная уверенность, что Господь сохранил. Люди привыкли так жить.

Она после говорила, что рай уже есть здесь, в земной жизни. Рай – это когда ничто не волнует кроме Бога и молитвы. Тогда ничего не страшно. Счастье в душе находится. Счастье – состояние мира с Богом.

Когда-нибудь все разрушится. Земля и все дела на ней сгорят. Но сроков никто не знает. Что может утешить христианина? «Не бойтесь, Я победил мир», – говорит Господь Иисус Христос.

От Белгорода 30% останется? Я, конечно, жить здесь уже не буду. И вообще, буду ли я жить на земле? Другие люди будут жить, и Господь сбережет верных Своих. Малое стадо.

Если Бог с нами, то ничего больше нет важного во всем мире. Пусть хоть война, хоть еще что-то, относящееся к этому временному существованию. Царство Небесное очень близко, оно внутри человека. А вечность начинается уже сейчас, в настоящем времени земной жизни.

История Варвары

Вообще Смоленский собор мне ближе от дома. Он был отреставрирован и открыт одновременно с Преображенским.

Своя собственная у белгородцев чудотворная икона Пресвятой Богородицы Смоленская Одигитрия, явившаяся в XVIII веке. В честь Нее великолепный двухэтажный голубой храм на Гражданском проспекте, если идти в сторону железнодорожного вокзала.

С городской центральной площади можно свернуть на проспект и через небольшой сквер попасть к нашему дому. Так я и шла в один день на первой седмице Великого поста 2023 года. Согнутая под тяжестью пакетов в обеих руках и с невероятной болью в душе.

Почему-то в ту минуту я подумала, что Бог посылает ангелов для спасения грешников. И вдруг передо мной возникла женщина. Примерно моего возраста. Но мне она показалась молодой и красивой, похожей на ангела.

Хотя выглядела она обычно. В черных брюках, куртка расстегнута. Волосы до плеч распущены, зачесаны со лба назад. Она сидела на скамейке, где обычно курят. Но она не курила, разговаривала по телефону.

Женщина подошла ко мне целенаправленно. Больше никого в парке не было. В руке она держала крупную денежную купюру:

— Вам тяжело? Возьмите. Вот увидела, у вас такое лицо несчастное. Я помочь могу...

Мне стало неловко.

«О, Господи! Да не нужны мне деньги!», – подумала я возмущенно. Но деньги взяла, спросила, за кого помолиться,

уточнив, как ее зовут.

— Варвара, – ответила она.

Я потом написала ее имя в церковной записке и немного пожалела, что быстро с ней рассталась.

Прошло меньше недели. Было воскресенье, полдень, я после литургии обычно заходила на рынок, в магазины за продуктами, и тащилась домой тем же путем с полными сумками в руках.

Зима вздумала вернуться, кружила холодная выюга из снежной крупы и моросил колючий дождь.

Варвару я увидела внезапно, ее нетрудно было узнать снова в таком же виде, с раскрытой головой. Она буквально подскочила ко мне на площади и быстро пошла рядом.

— Слава Богу, как хорошо, что это вы! А я думала все время о вас, зачем тогда встретила, значит, нужно помочь. Пост же идет, надо помогать. Бог с меня потом спросит. И сегодня решила дожждаться, когда будете снова тут проходить. Если не сегодня, то думала найти вас несмотря ни на что. А я в Смоленский собор хожу..., – и она указала рукой в сторону собора.

Я удивленно смотрела на нее сквозь крупу дождя и снега, который падал на ее волосы. Такого еще в моей жизни не было, чтобы незнакомый человек ждал на улице, не зная, пройду здесь или нет.

Мы перешли дорогу на светофоре, с площади на Гражданский проспект, она пыталась взять один из моих пакетов.

— Нужно поговорить. Пойдемте в машину, там тепло.

На стоянке перед парком она открыла дверцу новенького бежевого «Рено». Мы сели в машину.

— Думаю, можно на «ты», - Варвара смотрела на меня внимательно. - Расскажи, что у тебя, почему замученная такая?

Я коротко сказала о ситуации, в которой жила. Из монастыря меня отпустили ухаживать за мамой. Как лечить и облегчать ее состояние, я уже разобралась. Теперь приходилось круглосуточно пребывать в ее страданиях, в концентрате ее боли, ожесточения и пессимизма. Меня угнетала неопределенность. Неизвестно, сколько времени это продлится.

Варвара задумалась.

— У меня так же было, только мама у меня все терпела, не жаловалась. Но я без Бога тогда еще жила. А ты с Богом!

— Да, пройдет, трудности временные, - согласилась я с ней.

— А хочешь, я расскажу свою историю? Потому что ты же монахиня и все поймешь. И увидишь, как с людьми бывает намного хуже.

Я облегченно вздохнула. Высказаться больше нужно ей, а не мне. Варвара откинулась на спинку кожаного сидения и начала:

— Мама у меня была верующей. Она умерла от рака десять лет назад. Тоже очень долго и тяжело болела, есть вообще не могла. Я сама за ней ухаживала, брат сказал «это ваши баб-

ские дела» и не помогал ни в чем. Мы вчетвером жили в общежитии 12 метров, мама, брат и я с дочкой. С мужем сразу разбежались, я совсем молодая выходила за него, не соображала ничего.

Я догадалась, это промежуточное. Мама больная, брат, все похоже, и у меня пройдет, безвыходных обстоятельств не бывает. У нее не это главное.

— Дочка подросла, я немного оклемалась и начала заниматься бизнесом, - продолжала Варвара, - открыла пункт в магазине, мы продавали женские вещи. Мама тогда молилась, все получилось успешно. Потом уже постепенно открыла свой магазинчик. Бизнес пошел в гору, я купила квартиру, машину. Теперь уже поменяла машину. И вот сравнительно недавно, думаю, годы летят, а для чего вообще живу. Деньги – не главное, они счастья не приносят. Чего еще хочется мне для души? Не найдя ответа, решила, что хочу замуж. Вот цель, выйти замуж именно сейчас, когда я самостоятельная успешная женщина.

Подруга посоветовала обратиться к белому магу. Белый же, а чего бояться? Известны случаи помощи, девки замуж выходят. Позвонила ему, фото скинула, заплатила. Он сказал, надо почистить энергетику, сглазы у меня накопились. «Работал» он со мной месяца четыре, на расстоянии по фотографии, но я стала чувствовать, что в душе что-то меняется, я становлюсь другой, высокомерной. А была мягкой и доброй. Потом стала ощущать – в квартире кто-то ходит.

Сделалось так жутко, что не выразить.

Я рассмотрела ее ближе. Брови, конечно, накрашены, а так очень красивая. В лице что-то восточное и в то же время простая русская внешность. Волосы каштановые, глаза светло-серые.

— Ночью охватывало реальное чувство, что меня засасывает в некую страшную воронку. Чувство не только психологическое, все ощущалось и душой, и телом. Вот лежу, и какая-то огромная негативная сила давит на меня, тянет куда-то. Как объяснить свой страх, не знаю. И что делать, не знаю. Спать не могу, лежать не могу, по квартире передвигаться боюсь. Не просто мучительная тревога. Как модно сейчас выражаться, паническая атака. Нет, сильнее! У меня в теле заболело все, а главное – в голове мысли: жить не могу и не хочу. Я поняла – это маг. Теперь уже и замуж перехотела. А одна мысль, только бы прошел этот кошмар, только бы выжить, душу спасти. Я брала в руки крест, Евангелие, масло, свечи. Откуда, не знаю, нашла все это дома. Так и лежала или сидела без сна. После очередной ночи, когда, казалось, все мировое зло собралось, эта сила раздирала меня и затягивала в адскую бездну своими сетями, я еле дожила до утра и на рассвете помчалась в храм.

Потом выяснилось, был праздник Покров Божией Матери. Я прибежала в Смоленский собор. Просто знала этот храм, видела раньше. И сразу к иконе, там Покров такая большая, упала перед ней: «Спаси и помоги!» Богородица

стоит и смотрит на меня. И я чувствую, как меня накрывает синее бархатное покрывало с крестами. Я видела белые кресты и ощущала тяжелую ткань. Я видела себя со стороны. Душа моя будто вышла из тела. И поняла, что другого спасения больше нет. С магом тут же рассталась. Он в недоумении: замуж не вышла, а в его услугах больше не нуждаюсь. В храме исповедалась и причастилась. Потом поехала в Оптину пустынь. Это первый большой монастырь, который мне попался и как раз туда была поездка паломническая. Там молилась, тоже причастилась. Я же виновата перед Богом, что позволила этому магу завладеть моей душой. Сама дала ему власть над собой.

Возле монастыря Оптиная пустынь скиты всякие, познакомилась с монахиней Евфросинией. Она пожилая, давно живет там в домике отдельно. Отопление газовое. Попросила помощи, как раз нечем было ей заплатить по счету. Она словно меня ждала. Я сказала ей: «Будем оплачивать каждый месяц». Вот куда можно тратить деньги, вот счастье! Я очень путешествовать люблю. Потом поехала в Дивеево, в Троице-Сергиеву лавру. Там стояла в храме долго-долго у преподобного Сергия, он же чудотворец. И я почувствовала, как из груди и из головы вышел настоящий клубок змей. Я их видела, они расползлись на четыре стороны. Это все зло, которое внедрил в меня колдун. Облегчение настало такое, что передать не могу. За год у меня получилось посетить три больших монастыря. Вот в прошлом октябре был год, как я с ма-

гом распрощалась.

Я все нашла для души, только так можно жить. В этом весь смысл, чтобы помогать. Я должна помогать. Бог мне помогает, я зарабатываю больше денег и делюсь с теми, кто нуждается. Добрые дела без веры ведь не имеют значения? Живу я далеко, на улице Есенина, а езжу сюда, в Смоленский собор. Там рядом новый храм Почаевской иконы Богородицы. Но когда есть возможность, успеваю, то еду сюда на праздники, на все службы. А так, конечно, захожу в Почаевский. У нас дома есть икона Спасителя еще от прабабушки, мама мне оставила. Ну тебе полегче?

Да, конечно, я сама такого воздействия бесовской энергии никогда не испытывала. Слава Богу! Она еще спросила у меня о монастыре, почему выбрала этот путь.

Покидая машину Варвары, я оставила ей визитку моего монастыря, она написала мне номер своего телефона.

Мы встретились вскоре на Благовещение. В парке напротив стоянки, где тогда в машине беседовали. Стояла солнечная теплая погода. Варвара сказала, что была сегодня на ранней литургии.

Потом мы шли по улице, ее машина находилась через несколько кварталов. Ростом она немного пониже меня. Я заметила, что иду ссутулившись, а она шла с прямой спиной.

Варвара говорила, что они с дочкой планируют уезжать из Белгорода. Бизнес свой она собирается сворачивать. Дочь взрослая, 18 лет.

— Квартиру закроем и все. Разбомбят дом или нет, на все воля Божия. Но я верю, что все будет хорошо.

А потом еще раз мы случайно увиделись в Преображенском соборе. Пред самой Пасхой на той чудесной службе, когда читаются двенадцать Страстных Евангелий.

По телефону мы связывались редко. Только в декабре в день памяти святой великомученицы Варвары на мое поздравление с днем ангела она написала, что у нее сегодня кроме дня ангела и день рождения, и день крещения.

Я прожила в Белгороде еще полтора года, воли Божией больше не было нам встречаться. Варвара с дочерью уехали в Москву.

Ангелы имеют свойство появляться и исчезать неожиданно. Вот так они спускаются с неба и являются в образе людей. Ведь покаяние и добрые дела могут сотворить из грешного человека настоящего ангела.

Мы с тобой уже приехали

Пелагеюшка. Для кого-то это – просто бабулька, которая по церквам прогуливается целыми днями. Да, лет двадцать назад она производила впечатление бродяжки, старухи-богомолки, скитающейся по городу.

Я думала о ней постоянно все годы разлуки с Белгородом. Жива ли она и как она там? И есть ли еще в городе такая молитвенница, как Пелагея.

Поэтому несказанно обрадовалась, увидев ее снова в Пре-

ображенском соборе перед службой, сидящей на скамейке в Знаменском приделе. Пелагея внимательно смотрела на мою монашескую одежду и улыбалась. Вспомнила ли?

Глядела она ясными глазами, но один зрачок темный, помутневший. Конечно, она плохо видит. Плохо слышит, плохо ходит, но сильнее этой женщины я никого не знаю во всем городе.

Для меня Пелагея – символ православного Белгорода и самый потрясающий пример нестигаемой веры. Это лишь внешне маленькая сухонькая бабушка, а внутри гигант духа. Кажется, ростом она стала еще меньше, священники заботливо наклоняются, чтобы дать ей крест или помазать освященным маслом.

Она медленно поднимается на мраморные ступеньки к раке святителя Иоасафа, еще медленнее спускается. Батюшка каждый раз терпеливо ждет ее, потом окропляет святой водой. А я жду от нее очередного поучения.

— В спирт верят, а в святую воду не верят! – говорит она строго, но лицо сияет улыбкой. – Они не понимают! Маска закрывает не от вируса, а от благодати.

Вот, я не сомневалась, Пелагея такая же непреклонная и никакие эпидемии не в силах ее утрашить. Она не осуждает никого, просто сокрушается о новых реалиях. Она и раньше не любила, когда иконы спиртом протирали. Как все бабушки, ворчит на молодое поколение. Но ворчит по-доброму.

Между прочим, Пелагея еще не достигла глубокой старо-

сти, не знаю точно, когда ей исполнилось восемьдесят лет.

Нищенка, бомжиха и так далее... Как только ее не называли даже приличные верующие люди. Но лишь те, кто не знал ее лично.

«Чем хуже о нас говорят, тем лучше. Если мир нас ненавидит, значит, мы Христовы!» – хитро улыбалась она. Она всегда была чисто и аккуратно одета, в лохмотьях я ее никогда не видела.

Было время, когда она путешествовала на электричке из Белгорода в Харьков и обратно. Конечно, теперь скорбит ее душа об Украине с ее многочисленными святынями, но кому, как не Пелагее, понять это попущение Божие. Она смиряется совершенно со всем и благодарит Бога за все. За скорбь и за радость.

Когда-то мы часто общались, я даже избегала ее. Потому что, бывало, зайду в собор утром по-быстрому, перед работой, а Пелагея остановит и начинает рассказывать, как она в детдоме трудилась. Как воспитывала сирот, веру в Бога им прививала. Могла выдать и что-нибудь иносказательное. Я нервничаю, что спешу, а ей делать нечего.

Я вечно куда-то спешу.

Помню, тогда она ночевала на вокзале. Чтобы это приостановить, Марина Викторовна, директор Духовно-просветительского Центра, пускала ее тайно в свой Центр-музей, размещенный в здании бывшего католического костела.

Прихожу как-то в Центр, Пелагея сидит в кабинете Мари-

ны Викторовны. На полу стоят ее сумки, на столе литровая банка. Пелагея сосредоточенно смотрит, как в банке кипятится вода. Через минуту она ловко вытаскивает кипяtilьник и заливает пачку вермишели «Ролтон» в миске. Казалось, она получала удовольствие от такого образа жизни.

Марина Викторовна и сообщила мне теперь о судьбе Пелагеи. Позади тяжелый период. Она, действительно, долго бомжевала, жила в одной хижине без отопления и света, а сейчас и пенсию свою выхлопотала, и с детьми воссоединилась. У нее же в Харькове раньше квартира была. Сын ее Сашка вернулся из тюрьмы. Сыновья Никита и Сашка. Насколько я помню, Сашка младший, а старший тоже где-то скитался. Недавно они купили домик в селе и теперь живут вместе. Далек, правда, от храма. Но Пелагея в город ездит на такси.

Никогда не замечала, что она горюет о чем-то. «Молитесь за Сашку», – все просила. Может, и говорила о тюрьме, да я не придавала значения. Она всегда была жизнерадостной. И разве могут какие-то трудности ее ожесточить?

— «От Меня это было» читала? Помнишь, как там сказано? «Не просила ли ты, чтобы Я научил тебя смирению? И вот Я поставил тебя в ту именно среду...», – напоминает мне эта маленькая подвижница, знающая наизусть все важные изречения святых отцов.

А кто еще в Белгороде молился о строительстве храма? Молились многие, это не удивительно, храмы часто возво-

дились стараниями архиерея.

Но кто больше всех ходатайствовал Богу о появлении в городе храма именно в честь Почаевской иконы Пресвятой Богородицы! Она мне рассказывала тогда, почему Почаевская. Потому что 5-е августа, праздник этой иконы – день освобождения Белгорода от немцев в Великой Отечественной войне. И улица в городе есть «Пятого августа», которую давно пора переименовать в Почаевскую.

Пелагея могла и лично владыку в этом убедить. Я храм посетила, с настоятелем познакомилась. Отец Михаил сообщил, что он служил когда-то в Преображенском соборе, в первые годы его возрождения.

Храм Почаевский белый, купола золотые, возносящийся к небу, как свеча. Высота с 10-этажный дом, один купол в центре, четыре по бокам. Внутри стены расписаны и все иконы писанные. Я о таком мечтала раньше, а когда не жила в родном городе, его и построили.

Но я просто мечтала, а Пелагея молилась со всей силой своей веры.

Как-то стою я на литургии в соборе не на своем обычном месте в центре, а под плащаницей Богородицы в Знаменском приделе. После запричастного стиха оборачиваюсь и вижу совсем близко Пелагею в голубом платочке. Говорю ей:

— Пелагея, Христос Воскресе!

Только это приветствие показалось мне самым уместным, хотя до Пасхи было еще далеко. Она серьезно, радостно, с

торжественным блеском в глазах ответила:

— Воистину Воскресе!

Между службами в храме ее можно встретить в будни. Когда в соборе тишина, слышны частые шаркающие неспешные шаги. Это Пелагея ходит, к иконам прикладывается. Она может рассказать множество историй о чудесах исцеления или вразумления людей. Но самое главное чудо – это ее беседы со святыми. Это ее молитва, беззаветная вера и доверие Господу.

Пелагея кладет на канон большое зеленое яблоко. Знаю, она усердно молится за живых и за усопших. Когда-то она жила в послушании у своего почившего супруга Димитрия. В ее памяти он жив и поныне.

— Святитель Иоасаф расстраивается, что в его храме не читают акафист иконочке Богородицы Песчанской. Ведь это его икона, которую он нашел! – вздыхает она.

Мы сидим на той скамейке, я слушаю ее и вновь спешу уходить. Пелагея держит в руках потрепанную книжку «Сборник акафистов». Может ли она думать о чем-то ином, кроме общения с Богом?

Или сидит, сосредоточенно читает акафист Богородице «Знамение», пристроюсь рядом, послушаю пять минут, как она четко и благоговейно произносит каждое слово, и можно бежать дальше.

Она узнала меня не внешне, а по духу. И ведет себя так, будто мы расстались вчера. Хотя мы не расставались, в мо-

литве всегда были вместе.

Само собой, мне удалось не раз увидеть, как она подъезжает на такси к Преображенскому собору.

Однажды после воскресной всенощной Пелагея попросила помочь ей сесть в такси, и мы со знакомой погружали в машину ее тяжелый рюкзак и большую сумку. Что же она там носит? Такси вызвала она сама, деловито управляясь с кнопочным телефоном.

Я прожила в Белгороде почти два года. На светлой седмице договорились с подружкой и ходили звонить в колокола в Духовную семинарию. Во вторую мою Пасху, никого не встретив, я отправилась туда одна, на семинарской звоннице можно до 19 часов успеть позвонить. Прихожу и вижу – на вахте сидит Пелагеюшка рядом с незнакомой мне пожилой вахтершей.

Понимаю, зачем она здесь. Там в вестибюле семинарии есть Почаевская икона Пресвятой Богородицы. Не старая, но «намоленная». Разумеется, для Пелагеи она чудотворная. Позже я узнала, что инициатива созидания Почаевского храма исходила из семинарии, от людей, служащих и работающих здесь.

— Побудь с нами, матушка, – попросила вахтерша, когда я помучила колокола и направилась к выходу. Я ответила, что задерживаться не могу.

— Куда ты? Не спеши! Мы с тобой уже приехали, – вдруг сказала мне Пелагея.

— У меня мама больная одна дома, – пояснила я.

— А, ну тогда беги! Да не забывай: мы с тобой уже приехали, – повторила она.

— Ну как приехали... – хотелось мне завершить встречу по-умному, – Расслабляться нельзя все равно.

Пелагея меня не слышала. Она была внутри своей души. Вахтерша понимающе улыбалась.

«Тело стареет, а душа совершенствуется, – думаю я, – «Все послано Мною для совершенствования души твоей!»

Дорожка в рай

Мы с Леной любили заходить в кафе «Оранжевый остров» возле кинотеатра «Победа». Удовольствие было в том, что это получалось нечасто, только когда мы встречались после поздней литургии. Лена обычно ходила на ранние.

Лена со своей мамой жила близко, на Белгородском Арбате, их четырехэтажный дом прямо за кинотеатром примыкал к госбанку. Вера, мама Лены, тоже была давно мне знакома как прихожанка собора.

Лена инвалид детства, она родилась с генетическим нарушением строения костей и суставов. Ноги у Лены вообще не двигаются, она опирается локтями и всем туловищем на колесные ходунки и передвигается довольно быстро. Только по ровной поверхности, по ступенькам сложнее. Нужно, чтобы были перила с обеих сторон. Еще она полненькая из-за нарушения обмена веществ.

Но это не мешает ей всюду путешествовать. Каждое лето она ездит в Анапу, там у них родственники, и в Крым. А друзья у нее по всей стране, в том числе и за границей. В Крыму непременно Лена посещает парк-питомник «Тайган», общается и фотографируется с львятами и тигрятами.

Лена очень любит животных, отлично плавает в море, тогда ее ножки расслабляются, даже шевелятся и почти не болят. Ей полезно море.

— И сколько прошло, как ты уехала из Белгорода в монастырь? – Леночка смотрит на меня, склонив голову набок.

Я замечаю, что в ее темных кудрявых волосах появилась седина.

— ... Знаю, все новости знаю. И что мощи священномученика Никодима обрели, когда строили здание митрополии, и что несколько новых храмов воздвигли. Все знаю. И что на Святой Земле вы были.

— Не плати, я заплачу бонусами! У меня очень много бонусов, – кричит Лена и протягивает на кассе свой телефон.

Мы, расположившись за высоким столиком, пьем свежезаваренный чай с вафельными трубочками со сгущенкой.

С ее заболеванием вообще не ходят, а она ходит! Когда-то Лена смело признавалась, что «бегает к святителю Иоасафу каждый день».

Если она, опираясь на ручки, усядется на деревянную перекладину своих ходунков, то они превращаются в уютную машинку-коляску, только надо, чтобы другой человек катил

ее. Тогда Лена сидит, вытянув ноги и блаженствует.

Личико у нее детское, а в 2023 году Лене исполнился полтинник, как говорили друзья. Умственно она совершенно нормальная. А ее маме уже шел восемьдесят восьмой год. Дома у них я бывала и раньше, поражал порядок и чистота в обеих комнатах. Большая, зал – комната Веры, а в маленькой размещалась Лена.

— Помнишь, как мы с тобой в Рыльск ездили? – щурится от солнца Лена, – Ночевали там в храме на коврах...

Я не помню. В Холковский Свято-Троицкий монастырь, что в нашей Белгородской области ездили, ходили там вместе по холмам. Но в Рыльске я была однажды морозной зимой, в феврале. А Лена, наверное, раз триста. Она перепутала.

Раньше к ней домой ходили помогать семинаристы, сестры из Сестричества милосердия. Но она не сидела без дела, постоянно занималась каким-нибудь бизнесом. Продавала пищевые добавки на основе меда. А в праздничные дни, когда люди шли на площадь, Лена обязательно взвешивала. У нее были напольные весы, с которыми она садилась возле своего дома и радостно предлагала всем прохожим узнать свой вес. Брала за это копейки, но все-таки зарабатывала.

Лена может мгновенно привлечь несколько помощников. Она говорит с такими завораживающими интонациями и так умирительно звучит ее голос, что вокруг тут же собираются несколько мужчин, готовых ее вместе с тяжелыми ходунками

отнести, перенести и поднять, куда надо, в любой вагон или самолет.

Однажды в воскресенье, когда вышли из храма, нам выдался помогать мужчина не простой. Православный воин, как он представился. Говорю ему «молодой человек», а потом смотрю, ему лет под шестьдесят. Лена взобралась на свою коляску. Он катил ее по улице, я шла рядом.

— До «Оранжевого острова», – скомандовала Лена.

Мужчина рассказал, что зовут его Александром в честь главного русского воина святого Александра Невского. Он из Питера, а здесь в Белгороде лежит в госпитале, небольшое ранение. Первая городская больница превращена в военный госпиталь. Скоро он выписывается и снова возвращается воевать.

И у него трое сыновей и дочь, все на войне, хотя нет, младший еще учится в военном училище.

Александр сбегал через дорогу, купил в киоске газету с телепрограммой по просьбе Лены. Он не остался с нами пить кофе. На фирменном чеке кафе быстро написал имена жены и детей. Договорились молитвенно поминать друг друга.

Когда он ушел, мы с Леной восхищенно переглянулись.

— Жена у него какая молодец! Кто-то и одного сына на фронт не пускает. Или ноет, ропщет. А тут муж, трое сыновей и дочь! Молиться больше надо за жену, – заключила Лена.

В «Оранжевом острове» работали много молодых деву-

шек и ребят, все доброжелательные, но они часто менялись, к сожалению. Всегда встречали нас приветливо. Потом кафе переименовали, интерьер переделали.

Лена спрашивает, я рассказываю ей о монастыре или о маме. Бывает, на духовные темы беседуем. Или просто веселимся. Я начинаю:

— Помнишь, как у Чехова? Радоваться, что я не лошадь конножелезки...

Когда-то мы с ней часто обсуждали перечитанные книги, и классику, и современные. Особенно русские.

Лена хохочет так заливисто, громко и безудержно, что заражает всех вокруг, хотя посетителей в кафе немного. Люди тоже начинают искренне смеяться.

Случалось, после рынка и магазинов иду по улице «50-летия Белгородской области» и думаю, вот бы поймать Лену, спросить, какой батюшка служил раннюю литургию, а кто исповедовал. И обязательно ее увижу.

Как-то в сильном душевном смятении встретила Лену в розовой футболке и черных бриджах возле «Детского мира». Она воскликнула:

— Помоги мне до квартиры добраться.

У нас был час времени, чтобы поговорить. Потому что за час она поднимается по лестнице с высокими ступеньками в своем подъезде.

— Ты с мамой ругаешься? – спросила я.

— Конечно, ругаюсь.

— Из-за чего?

— А она в храм не хочет ходить.

Эх, тема бесполезная, меня совсем другое волновало.

— Лена, как терпению научиться?

Терпеть себя – тоже трудный подвиг. И глядя на Лену понимаю, что каждый ее шаг – это вагон терпения.

На ее примере я вижу не только образ терпения, а в живом воплощении те добродетели, о которых написано в Священном Писании. Долготерпение – каждую минуту, когда она делает сверхчеловеческие усилия и опирается на толстые ручки своих ходунков. Любовь – потому, что Лена любит не весь мир абстрактно, а всякого конкретного человека, встреченного на ее пути.

— Вы не боитесь войны? – спрашивает Лена, – Когда начинаются взрывы, мы с мамой садимся и читаем Псалтирь.

А как-то раз она заявляет:

— Я в аду буду гореть за то, что брюки ношу.

Мне хочется сказать: «Глупенькая. Ты уже в раю».

Она тоже ухаживала за своей матерью. Вера хоть и выходила из дома, но ориентировалась совсем плохо. Лена вызывала домой массажистов, всяких врачей, даже офтальмолога. Они не были одиноки, родственники и друзья постоянно присматривали за Леной с мамой. Дверь их квартиры днем редко закрывалась на замок.

Господь посылает испытания по мере наших сил, перед Великим постом Лена дома уронила чашку и пролила себе

на ноги кипяток. Печалилась, что теперь долго нельзя будет ей мочить ноги, ведь в воде она испытывает облегчение.

Несмотря ни на что Лена затеяла печь куличи перед Пасхой, просила помолиться, чтобы получились. Она старалась из всех сил и куличи вышли превосходными.

Придерживаю как-то Лену на ступеньках и меня вдруг осенило:

— Почему вы с мамой не разменяете квартиру на первом этаже где-нибудь?

У Лены словно заранее заготовлен ответ:

— Батюшка Ипполит меня не благословил! Я давно у него спрашивала, а он сказал: «Это же твоя дорожка в рай».

Отец Ипполит – уже покойный духовник Рыльского Николаевского монастыря, известный старец. Но Лена одинаково исполняет благословения любого священника.

Наступило знойное лето. Такой аномальной жары не помнили давно.

Вера умерла в начале июня, моя мама через месяц. Через некоторое время Лена звонит мне:

— Приходи, у нас будут поминки, устроим общий обед.

В назначенный день, а это было воскресенье, когда Вере исполнялось сорок дней, я купила в кулинарии пирожков и пришла к Лене. В большой комнате за накрытым столом сидели две родственницы и рядом на диване молодая пара, то ли муж и жена, то ли брат и сестра. Мне налили ароматной холодной окрошки, это было спасение в жару.

Поговорить нам с Леной не удалось, и я пообещала зайти к ней в другой раз. А сама уехала. Лена не могла поверить и осознать, что мы больше не увидимся.

— Как это, в монастырь? А домой когда вернешься? – в ее голосе преобладали грустные нотки.

— Монастырь – мой дом.

— Почему? – огорченно вопрошала Лена.

Так нужно исполнить всякую правду! Каждый из нас по-своему зарабатывает Царство Небесное своей душой. И дорожка у каждого своя.

Жить да жить

Я ценю способность ходить. Потому что по себе знаю, что такое не ходить. В 2023 году пришлось близко столкнуться с медициной не только в связи с мамой. Вспоминается отчетливо один осенний день.

Случилось и мне заболеть серьезно. Не впервые, это моя хроническая болезнь, просто она сидит себе тихо, а иногда пробуждается. Обострение длилось уже две недели и прогрессировало. Надо было срочно что-то делать. «Скорую» я вызывала, они кололи слабое лекарство от сосудов, которое действовало мне, как слону дробина. Помочь могла капельница гормонального препарата. Головокружение, туман и тяжесть в голове, но главное – слабость и спазмы в ногах, ходить мне было все труднее. Импульсы из мозга не поступали в конечности.

Я записалась на этот день к врачу в платную клинику, узнав заранее, что невролога зовут Антонина Андреевна и стаж работы у нее уже приличный.

В поход я отправилась с палкой, благо, у мамы напрокат взяла новую трость. Сама ей покупала недавно, но в квартире мама ее почти не использовала. Так гораздо удобнее, мне уже было не до смущения с палкой. Еще надела подрясник – длинное черное шерстяное платье, в котором обычно ходила, а на голову вместо апостольника платок, оранжево-коричневый, в осенних тонах.

Сначала в областной клинической больнице святителя Иоасафа в отделении лучевой диагностики мне сделали МРТ головного мозга, тоже по предварительной записи. Это было необходимо, чтобы зафиксировать очаги воспаления. Их точно не распознать, лишь приблизительно, но невролог должен видеть их активность.

Когда, наконец, дождавшись приема, я ввалилась в кабинет, за столом увидела сидящую женщину с пристальным взглядом и сжатыми губами. Полноватая, круглолицая, с короткой стрижкой. Врач посмотрела на меня с недоумением, потому что я сразу назвала свой диагноз.

— И чего вы от меня хотите? – чуть не плача спросила она.

— Помощи вашей! – удивилась я. Зачем еще обращаются к врачу?

Она начала растолковывать, что с моей болезнью нужно

стоять на учете по месту жительства и бесплатно получать дорогие лекарства для интенсивного лечения. Государство выделяет средства.

Я поспешила ответить, что все это у меня есть, только в другой области, где я живу в монастыре. А здесь и сейчас ухаживаю за старой матерью, поэтому прошу всего лишь снять обострение, то есть назначить мне преднизолон. Но здесь у меня имелось затруднение.

— Его капают исключительно в стационаре, – сказала Антонина Андреевна.

— Да, в больницу я не могу, можно просто под наблюдением прокапать у вас? – я надеялась на их серьезную большую клинику.

— Одна капельница не поможет.

— Ну не одну. Прошу вас!

И у них на дневном стационаре это было невозможно.

Я стала сбивчиво рассказывать подробности своей ситуации. Уже дважды «Скорую» домой вызывала. Сначала боялась, что положат в больницу, потом, наоборот, просилась. Но туда не кладут без направления врача. К участковому неврологу не попасть, на дом вызвала, ждать очереди еще неизвестно сколько.

Мама желала мне улучшения, только она не понимала сложности положения. Она хотела моего скорого выздоровления и в то же время боялась остаться одна.

Антонина Андреевна устремила взгляд в свой компьютер.

Я сидела напротив.

— Вам надо в больницу как можно скорее, - сказала она.

— Я не могу бросить мать.

— Она совсем лежачая?

— Нет.

— Сколько ей лет?

Я ответила, что восемьдесят три.

— А вам?

Мне вполовину меньше.

— Ну вот, она уже жизнь прожила. А вам еще жить да жить! – произнесла она.

Я не отрицала эту возможность, просто искала выход. Голова не думала нормально, мысли путались, накатывало равнодушие. Но мне нужно было встать на ноги в любом случае.

— Что же вы не можете попросить соседку ее покормить дважды в день, а сами на неделю ляжете в больницу? – спросила врач.

Точно, всегда можно найти выход, я позвоню Гале с четвертого этажа и попрошу ее об этом, Галя предлагала помощь уже несколько раз. А продукты принесет соцработник Ирина, которая ходила к маме до моего приезда. Эта перспектива меня обнадежила.

Антонина Андреевна написала направление, из регистратуры вызвала «Скорую помощь» и передала им меня из рук в руки. Она сама постарше, поэтому я ей показалась очень

молодой. Жить да жить!

«Скорая» долго везла меня за город в районную больницу. В приемный покой вышел весьма в годах заведующий неврологическим отделением с обрюзглым лицом в халате, бывшем когда-то белым. Он стал ругаться на сотрудников «Скорой», зачем меня привезли, и закричал негодуя, что мест нет и преднизолон у него нет.

— Хотите, я вам покажу, как у меня кровати в коридоре стоят? – он будто спрашивал и отвечал одновременно, выпучив глаза на меня и на мою палку.

Я не хотела.

— А за деньги можете заказать преднизолон? – спросила я без всякой надежды.

Он железно ответил «нет». Я знала, что преднизолон не дорогостоящий и не дефицитный, но настаивать ни на чем не могла. Он сказал на прощание самое главное:

— Угрозы для жизни у вас нет, поэтому езжайте домой.

Тогда добрые ангелы на «Скорой» отвезли меня не просто обратно в город, а в госпиталь для ветеранов войн. Это старая больница, расположенная в парке, на улице Садовой, почти в центре.

Встретился мне накануне вечером еще один добросердечный ангел по имени Ярослав. Врач со «Скорой». Они будто не спешили с девушкой фельдшером. Оба неформальной внешности, он с длинными волосами. Долго сидели в комнате, в поисках способов, как мне помочь.

Разговорились, Ярослав оказался в дружественных отношениях с отцом Владимиром из Преображенского собора. Он сам редко ходит в храм, а с отцом Владимиром общается, у них дети вместе учатся. Ярослав позвонил своей знакомой из другой больницы, и она обещала устроить меня в этот госпиталь вне очереди. Там хорошая неврология. В госпитале я просидела долго, пересказывая снова одно и то же разным медикам.

Естественно, и туда не положили, устная договоренность через третьих лиц, направление доктора из частной клиники ничего не значили. Я понимала, места нужны для военных, и для более серьезных больных. А у меня что? Угрозы для жизни нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.